

машин. Мне, конечно, еще много надо учиться, но уже сейчас я кое-что знаю, умею. У меня появилась чудесная профессия — я электрик.

— Другие мои товарищи, — говорит Амитуддин, — стали здесь бульдозеристами, буровиками, токарями. Эти специальности очень нужны моей стране. Пройдет время, строительство в Наглу будет завершено, но приобретенное мастерство пригодится нам в будущем. И за помощь в овладении им мы приносим нашу искреннюю благодарность русским. Всегда мы будем помнить о наших первых учителях.

Несколько помедлив, Амитуддин добавляет:

— А сейчас я с помощью ваших специалистов хочу стать инженером-электриком. Это самая большая моя мечта. Я буду стремиться к тому, чтобы она осуществилась.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

Пройдет еще два-три года, и на лопасти турбин, спроектированных в Ленинграде и собранных

на одном из уральских заводов, хлынет мутно-зеленая кабульская вода. Ток потечет в столицу Афганистана Кабул.

Появится возможность использовать электроэнергию не только для бытовых и промышленных целей, но и для орошения — электронасосы смогут подавать воду на плодородные, но сухие нагорья. Водохранилище ГЭС будет не только регулировать сток реки, но и создаст здоровый, прохладный микроклимат в прилегающей долине. На берегу нового озера предполагается построить курортный поселок, где кабульцы смогут отдыхать в жаркое время года — купаться, даже заниматься парусным спортом. Когда я был в Наглу, советский архитектор строительства готовил макет поселка — на большой, в стол, доске выстроились ряды игрушечных белых вилл, окруженных пластмассовой зеленью таких же игрушечных деревьев.

Пройдет два-три года, и весь этот край станет богаче, краше. Порукой тому — дружный совместный труд афганских и советских строителей гидроэлектростанции в Наглу.

СРЕДИ РАБОЧИХ БИРАТНАГАРА

В. ТУРКИН

КОГДА заходит разговор о непальской промышленности, то все говорят, что надо ехать в Биратнагар — город в дистрикте Моранг, в десяти километрах от индийской границы. И это вполне понятно. Непал — аграрная страна. Из 9,5-миллионного ее населения в промышленности занято только полпроцента. Немногочисленные джутовые, спичечные и хлопчатобумажные фабрики, рисоочистительные и сахарные заводы, мелкие кустарные мастерские — вот и все, что есть в Непале. Семь крупных промышленных предприятий расположены в районе Биратнагара, где работает 80 процентов всей 20-тысячной армии непальского пролетариата.

Рано утром из Биратнагара выходят вереницы рабочих с узелками в руках. По единственной асфальтированной дороге пробегают тяжело нагруженные индийские грузовики — перевозят лес, джут, спички, мешки с сахаром. Дело в том, что в самом Биратнагаре промышленных предприятий немного. Джутовая и спичечная фабрики, сахарный завод находятся в десяти километрах от Биратнагара, в небольшом городке Джогбани, по которому проходит непало-индийская граница. На одной стороне — Индия с железнодорожной станцией Джогбани, на другой — непальский Джогбани с промышленными предприятиями, которые созданы совсем недавно — накануне второй мировой войны — на деньги индийских капиталистов. Индийские компании до сих

пор держат в своих руках свыше 75 процентов всей промышленности Непала. Несмотря на то, что почти вся продукция идет в Индию, многие предприятия из-за трудностей сбыта и конкуренции индийских товаров работают в убыток.

Мы посетили спичечную фабрику «Текка» в Джогбани. Наш «джип» миновал массивные железные ворота и въехал на большой фабричный двор, заваленный огромными, в несколько обхватов толщиной, бревнами. На этой фабрике только лес — непальский, машины же и оборудование завезены из разных стран. Даже упаковочная бумага поступает из Индии. На фабрике около 300 рабочих, которые работают по восемь часов в день. Работа ведется в четыре смены по четыре часа каждая. Многие рабочие не уходят в перерыв домой и тут же, у машин, спят или просто сидят, дожидаясь своей смены, — они живут в Биратнагаре, а туда из Джогбани приходится добираться пешком — транспорта никакого.

Средняя заработная плата рабочего фабрики — 30—40 непальских рупий в месяц. На это должен прожить рабочий с семьей, сюда же входят расходы на лечение и лекарство, и нужно еще отложить на черный день. Ведь у непальского рабочего нет гарантии в том, что он будет иметь постоянную работу, да и социального обеспечения в стране нет, рабочие лишены элементарных прав — профсоюзные организации существуют только на бумаге.

Пролетариат Непала не хочет мириться с таким положением. Его справедливые требования находят поддержку у беднейшего крестьянства, сезонных рабочих и мелких служащих, составляющих в общей сложности более 90 процентов трудового населения страны.

У трудящихся Непала уже есть опыт борьбы за свои права. Одиннадцать лет назад забастовали рабочие джутовых предприятий Биратнагара, потребовав увеличить на 20 процентов заработную плату. И хотя эта забастовка не увенчалась успехом, она все же показала, что непальский пролетариат вступил на путь сознательной и организованной борьбы за лучшую жизнь.